

*Когда, после смерти, я буду возрожден в Раю,
все мои жертвы станут моими рабами.*

После смерти Магомета (1), его преемником и первым Халифом избрали Абу Бакра. Многие мусульмане считали, что более подходил Али – двоюродный брат Пророка. Результатом интриги стало расщепление мусульманского мира на суннитов и шиитов. Вскоре каждое движение пришло к разногласиям внутри себя и начало дробиться на секты.

В жизни мусульманского общества значительную роль играли распри на религиозной почве – споры о вере, о соблюдении постов и обрядов, о наследии Магомета не стихали. То одно, то другое, то третье течение обвиняло остальных в ереси. Всё чаще дело доходило до насилия между несогласными.

Сунниты – правоверные мусульмане, сторонники избранного Халифа – преследовали и безжалостно убивали последователей Али, известных как шииты. Страдания, расправы, убийства вызывали всплески религиозных восстаний; среди шиитов стали появляться странные секты, во главе которых оказывались святые люди, пришедшие из пустыни...

Мусульманская секта исмаилитов почитала Исмаила (2) своим имамом (3). Исмаилиты создали сильную организацию. Они были мистиками, интеллектуалами и... фанатиками. Проведя аскетизм вместе с первозданной чистотой веры, исмаилиты чем-то напоминали порывы протестантов в христианстве, впрочем, те появились гораздо, гораздо позже. Стремления исмаилитов очистить веру, проникнуть в тайные знания получили своих последователей. Основанный ими Фатимидский халифат раскинулся по Северной Африке до Палестины, Сирии, Ливана и Йемена. Мекка и Медина также попали в него. В сферу влия-

ния халифата вошла Сицилия; правда, в остальном исламском мире, исмаилитов считали отступниками, еретиками и преследовали, едва представлялся удобный случай.

С конца XII в. в европейских летописях, хрониках и повествованиях появляются упоминания о страшных убийцах – хассасинах, обитающих в горных районах Востока, об их загадочном и таинственном вожде, которого называют Старцем Горы. Бурхард Страсбургский, посланник Фридриха Барбароссы, Жак де Витри, епископ Акры, германский историк Арнольд Любекский и, конечно, известный венецианский путешественник Марко Поло бывали в тех краях и записали истории о могущественном Старце, засевшем в неприступном горном замке, нагнавшем ужаса на всю округу и даже намного дальше... Боялись и заискивали перед ним мусульманские и христианские вельможи и государи, а страх их основан был на том, что по приказу Старца его подданные умертвили немало сильных мира сего. Упомянутые авторы, расходясь в незначительных деталях, повествуют об одном:

«Сей Старец сплотил вокруг себя преданных людей. Они почитают его за пророка и святого человека. Любая прихоть Старца немедля исполняется. Мало кто может ослушаться его воли, ибо наказание за это очень сурово. Приближённые Старца – из числа своих подданных – отбирают детей (предпочитая сирот, чтобы ничто не связывало их с родными) и с отроческих лет готовят из них беспощадных, умелых убийц. Чтобы избавить юношей этих от любых сомнений и пробудить в них желание умереть по слову Старца, их опаивают дурманом и, когда они пребывают без сознания, переносят в сад, созданный по подобию Рая, описанного Магометом. Течёт там вода, молоко, вино и мёд; растёт множество прекрасных деревьев и цветов; в саду обитают прекрасные девы и в изобилии отменная пища. В саду не было никаких забот, и юноши предавались любовным утехам, праздности, удовольствиям. Кто захочет покидать подобное место?! Юношей вновь опаивали дурманом и переносили к их обычной жизни... Очнувшись, те очень тосковали по «раю», который удалось им вкушать при жизни, но Старец обещал: если погибнут они по его приказу – вновь перенесёт их в это сладостное место и уже навсегда оставит там. Разумеется, после таких лукавств простодушные юноши почитали Старца (в душе) больше, чем самого Пророка, и всюду искали случай, чтобы по слову Старца отдать жизнь и вернуться в чудесный сад».

Некоторые повествователи указывали на то, что юноши готовы были прыгнуть со стены в бездонную пропасть, поменять религию, отправиться хоть на край света и даже в Ад, лишь бы выполнить задание хитрого Старца, чтобы тот сдержал слово и вновь перенес их в сад, который забыть они уже не могли.

Анри Шампанский, принявший корону Иерусалимского королевства, в 1194 году посетил крепость Старца. Там Анри и люди из его окружения увидели, как по движению руки Старца, несколько его слуг добровольно бросились в пропасть. Все поняли: Старец демонстрирует дух своих воинов и по-восточному изощрённо намекает: относиться к нему следует серьезно.

«Захочет Старец убить кого-либо, выберет из своих хассасинов и говорит: Хочу послать тебя в Рай! Ступай туда-то и убей для меня того-то, а коли сам будешь убит, тотчас попадёшь в Рай... Кого Старец решил убить, тому уже не спастись» (4).

Вернёмся к началу рассказа. К тому месту, когда ислам, едва зародившись, начал распадаться на множество ответвлений. Захлёбываясь от собственной правоты, каждая, едва вылупившаяся из тёмного сознания своего творца, секта пыталась (непрерменно с пеной у рта) объявить себя истинной последовательницей Аллаха и пророка его Магомета. Среди хаоса религиозных споров, конфликтов, распрей и войн в Персии появился молодой суннит по имени Хасан ибн Саббах. С юности он воспылал страстью к знаниям, но больше всего, от младых ногтей, хотелось Хасану проповедовать веру отцов. Однако уже в медресе(5) города Рея он примкнул к исмаилитам, правда, не без помощи одного из учителей, который сумел понемногу подточить со всех сторон, а затем и обрушить отцовскую веру Хасана, впрочем, религиозным фанатиком он не стал, ибо всегда искал кладёзь сокровенных знаний и живую воду истины.

В Каире, столице халифата, Хасан ибн Саббах приобрёл необходимые знания вместе с опытом проповедника. Здесь, в бурлящей столице, он ощутил, как неясное чувство наполнило его и давило на грудь изнутри, а смутные мысли волновали разум. Казалось, дух Пророка не давал покоя, и сам Аллах звал его отправиться в странствие, распространяя слово Всевышнего по близким и далёким землям...

Хасан ибн Саббах отправился на север в горные районы Персии. Там, в стане Дейлем, он проповедью обратил дикое племя, которое до тех пор не знало ислама. Эти тёмные горцы ненавидели тюрков-суннитов, поэтому учение исмаилитов ле-

гло на благодатную почву. Хасан смог разглядеть их потенциал, а они увидели в нём вождя, которого приняли, как когда-то пустынные племена приняли Магомета. Возможно, именно тогда Хасану ибн Саббаху пришла в голову идея создать государство, где он должен стать халифом-имамом. Горная страна очень подходила для большого плана этого властолюбивого проповедника.

Число новообращённых быстро росло. Для Хасана стало очевидным: ему не хватает опорного пункта, цитадели и столицы будущей державы. Выбор вскоре пал на Аламут – крепость, выстроенную над обширной плодородной долиной, на утесе Эльбруса.

Если верить легенде, Хасан ибн Саббах предложил правителю замка три тысячи золотых за землю, которая уместится в бычьей шкуре. Хитрый проповедник бросил на землю мешок с золотом и шкуру. Удивлённый такой расточительностью правитель согласился. Тогда Хасан дал знак своим людям: они разрежали шкуру на тонкие полосы, связали их вместе и этой верёвкой из бычьей шкуры опоясали крепость. Правителю ничего не оставалось, как убраться прочь. Красивая легенда! В действительности исмаилиты получили замок значительно менее экзотично, но никак не менее продуманно и изощрённо.

Сначала проповедники Хасана (его теперь интересовали больше вопросы земные: военные и политические, чем вопросы небесные) начали активно обращать жителей деревень, расположенных вокруг замка, и вскоре обратили в исмаилитство большинство жителей. Затем всё те же проповедники появились в крепости и начали вербовать солдат из стражи. Владелец замка – правоверный мусульманин Алид – кажется, был человеком колеблющимся, непоследовательным и нерешительным. Он не знал, как ему поступить... Решился перейти в новую религию, затем – передумал, и выгнал вон проповедников-исмаилитов. Зачем он дал уговорить себя пустить их обратно? Разумеется, в один из последующих дней крепость перестала принадлежать ему. Он стал чужаком, и ему указали на дверь, впрочем, обошлись довольно любезно. По словам летописца, перед тем, как затворить ворота за несчастным Алидом, ему вручили мешок с тремя тысячами динаров.

Это произошло в 1090 году. Хасан ибн Саббах вошёл в замок Аламут и с тех пор крайне редко покидал его. Он отменил налоги тюрок-суннитов; приказал жителям долины строить дороги, рыть каналы, возводить оборонительные сооружения;

установил в замке и окрестностях, которые перешли под его управление – для всех без исключения – суровый образ жизни: питание было скудным, вино запрещено. Богатства Хасан не запрещал, но запретил под страхом смерти любое проявление роскоши, и тогда богатства потеряли смысл, стали безделицей, мишурой. К чему сокровища, если не можешь их использовать? Так, довольно мудро (не прибегая к открытым репрессиям) Хасан ибн Саббах избавился от крайне ненадежной прослойки – богачей, вся жизнь которых заключена лишь в приумножении и сохранении состояния, из-за которого они готовы на любые предательства и измены.

Хасан и сам строго соблюдал законы. Он жил подобно аскету. Это нравилось нищим горцам. Особенно вырос Хасан в их мнении, когда приказал убить своих сыновей: одного за то, что тот тайно употреблял вино, а второго по подозрению в убийстве верного проповедника. Правда, вскоре обнаружилось: юноша виновен лишь в заносчивом нраве и несдержанном языке, а убийство совершил другой... Но Хасан и тут смог извлечь для себя выгоду!

Тёмные, неграмотные горцы преклонялись перед решительностью и волей своего предводителя, считая, что только посланник Аллаха может обладать подобными качествами и таким духом. Хасан ибн Саббах не спешил их разубеждать. Этот хитрец, напротив, всячески поддерживал религиозное опьянение окружающих своей персоной. Один из знатоков древности предложил ему определить: течёт ли в его жилах кровь имама Али... Хасан ответил: я – всего лишь свидетель Истины, но о мере своей близости к Ней знаю куда лучше других. Знаток древности понял намёк, и скоро Хасана ибн Саббаха стали называть «худджа» (6). Это устраивало Хасана куда больше, чем признание его потомком имама, пусть и весьма значимого для исмаилитов: мало ли какие потомки Али могут еще отыскаться?

Вполне освоившись на землях Аламута, Хасан ибн Саббах, выслал своих проповедников в Кухистан. Там тюрки сильно притесняли исмаилитов... В результате народных выступлений, организованных религиозными миссионерами, тюрок по примеру Аламута изгнали из нескольких замков. Хасан ибн Саббах установил с ними тесные связи. Военными методами решались религиозные цели. Хасан ибн Саббах начал постепенно приводить свой план в действие: деревня за деревней, замок за замком...

Власти поняли замысел Хасана. Он стал опасной фигурой: закончились тайные проповеди и смутные призывы, наступило время открытого противостояния. Первым по приказу халифа двинулся на Аламут правитель этой провинции – эмир Урун-Таш. Он выжег окрестные деревни, опустошил посевы, пойманных исмаилитов тут же казнили, но к горному замку правитель не смог подступиться. Не хватило ни сил, ни ресурсов. Халиф был разгневан неуспехом наскоро собранной экспедиции. Визир Абу Али аль-Хасан давно понимал опасность исмаилитской секты и требовал от военачальников покончить с исмаилитами Аламута и Кухистана. Отряды выступили в поход.

В Аламутской крепости, которая ещё не оправилась от предыдущей военной кампании, гарнизон насчитывал не более 70 человек, когда отряд халифа вновь взял её в осаду. Три месяца осаждали Аламут, да только удача – или воля Аллаха – оказалась на стороне Хасана и его бойцов: одному воину удалось прорваться через окружение и тайно вернуться с подмогой. Ночью осаждавших атаковали подоспевшие союзники Хасана; совершил вылазку и отряд из крепости. Мало кто из воинов халифа выбрался живым...

Тем временем проповедники-исмаилиты убили служителя мечети в городе Сахна, чтобы тот не смог выдать их местным властям. По приказу главного визиря Абу Али аль-Хасана, более известного под титулом Низам аль-Мульк (7), казнили главаря местных исмаилитов. Труп несчастного протащили по улицам и для устрашения вывесили на главной площади. Волна возмущения и ярости исмаилитов докатилась до Аламута. Хасан ибн Саббах под неистовые крики последователей поднялся на крышу своего дома. Оттуда под вопль всеобщего удовлетворения он иступлённо выкрикнул: «Убийство этого шайтана предвосхитит райское блаженство!»

Среди фанатично преданной ему толпы, которая пребывала в эйфории от недавно одержанной победы, немедленно нашлись исполнители. Времени для подготовки не было – только бы не расплескать религиозный запал ненависти! Напасть на сановника решили в его же дворце. Как убийца сможет пробраться туда – никто не знал. Действовать предстояло по обстоятельствам.

Ранним утром 14 октября 1092 года убийца под видом дервиша (8) умудрился проникнуть в сад дворца визиря. При виде неизвестно откуда взявшегося оборванца, идущего к ним навстречу, оторопели и стража, и слуги, и сам визирь. Убийца вы-

брал верную тактику: он не медлил, но и не торопился – вёл себя естественно, не выдавая своих намерений, поэтому ему удалось приблизиться к сановнику. Убийство произошло прямо на глазах у стражи. Прежде, чем они изрубили нападавшего, тот несколько раз поразил визиря кинжалом. Но это был ещё не конец: сподвижники убийцы, едва приметив панику, поняли – план удался. Тогда они неожиданно напали, подожгли дворец и... сумели отбить изувеченный труп товарища.

С этого момента для Хасана наступает полоса удач: буквально через несколько дней 19 октября 1092 года умирает Мелих-шах, в результате чего снимается осада крепости Дару в Кухистане, в которой засели исмаилиты. Никому теперь нет дела до кучки воинствующих еретиков. Между группами дворцовых сановников решается более важная задача: кому быть следующим халифом? В чередке дворцовых интриг и заговоров не доставало времени и сил, чтобы покарать вдохновителей убийства некогда грозного визиря.

Говорят, султана отравили... Вряд ли Хасан ибн Саббах был причастен к этому – у него едва хватило сил справиться с ненавистным визирем, но отныне любая грязь, рядом с которой находился этот злой аламутский гений, немедля прилипала к нему. Теперь все относились к Хасану ибн Саббаху со страхом и ужасом, а у страха, как известно, глаза велики!

Резонанс от смерти визиря (и – за ним – султана) в исламском мире был очень велик, а последующие события непредсказуемы. Размышляя в своей удалённой крепости над сведениями, которые доставляли отовсюду верные слуги-проповедники, хитрый, изворотливый мозг Хасана дошёл до очень простой мысли: к чему многочисленные армии, требующие огромных расходов, если справиться с врагом можно, уничтожив его вождя? Для этого достаточно превосходно подготовленного отряда фанатиков-убийц.

На первых этапах существования Аламутского государства Хасану ибн Саббаху удалось создать нечто похожее на комму-ну – утопию, о которой в Европе начнут размышлять только через два века. Проблемой этих социальных построений всегда было то, что вырастали они в среде еретических течений, а полнота власти находилась у духовного вождя. О Боге сразу забывали, надеясь человеческими усилиями построить государство справедливости. В этом и состоял изъян: человек изменчив и подвержен греху...

Итак, едва в халифате пошатнулась власть в связи со смертью султана, начались восстания в провинциях и подвластных землях. Внезапная смерть одного человека лихорадила огромную территорию, ввергала её в хаос. Для исмаилитов Аламута это было замечательное время! Хасан ибн Саббах, прибегая к старой тактике – используя подготовленных проповедников – без особого труда захватывал новые крепости, а вместе с ними – окрестные области. При этом он не покидал своей крепости. Слухи и домыслы, распространяемые вездесущими проповедниками, делали свое дело:

– Как можете сопротивляться вы, простые, неучёные люди, когда визирь и сам халиф пали под волей этого незаурядного человека? Но человек ли он? Нет, братья, Аллах присутствует в его замыслах и сопутствует ему в делах!

Хасану ибн Саббаху начали приписывать совершение чудес, способность толкования “скрытых” смыслов священных текстов и... избранность Всевышним. Да он и сам способствовал рождению небылиц, выдумок, мифов. Хасан был мастером мистификаций и обмана, причем свои “чудеса”, он продумывал весьма тщательно. Например, использовал двойника, который, совершая самосожжение на закате перед толпой невежественных исмаилитов, кричал из огня, что попадёт на небеса и вернётся обратно. Следующим утром Хасан ибн Саббах – уже собственной персоной – появлялся перед изумлёнными простаками и, по-восточному красочно, описывал райские местности, куда, несомненно, попадёт каждый, кто верен Аллаху и его верному слуге – Хасану.

Подобных трюков была масса... Перед религиозными праздниками, когда в крепость стекались отовсюду сторонники Хасана – услышать голос, увидеть великого человека – его приближённые отбирали на улицах Аламута несколько десятков простых людей и приводили в одну из комнат дворца. Там на огромном блюде лежала отрубленная человеческая голова... Через некоторое время в комнату входил Хасан. Он ласково беседовал с людьми и говорил, что Аллах даровал ему ныне возможность убедить маловеров и сомневающихся. Затем он произносил слова молитвы, возводил к небесам взгляд, вместе с молитвенно сложенными руками, произносил загадочное, тёмное заклинание, и... отрубленная голова открывала глаза, начиная вещать жутким, неземным голосом. Можно представить ужас этих необразованных людей, особенно, когда Хасан предлагал им задать вопросы отрубленной голове о небесах, о

райском блаженстве... Голова отвечала смельчакам, неизменно восхваляя Хасана ибн Саббаха, верного слугу Аллаха. Поражённые увиденным, люди уходили из замка, дрожа от страха, абсолютно уверенные в том, что вождь их, как и Магомет, общается с Всевышним.

Затем наступал праздник, голову выставляли на главной площади. Те, кто был в той комнате, указывали пальцем и шептали, что видели чудо и до самой смерти не забудут его. Разумеется, они рассказывали всё, о чём говорила голова... Если бы ведали они о проделанном отверстии, куда просовывал голову человек, сидящий в яме под блюдом! Голову этого человека особым образом гримировали, освещали тусклым светом, чтобы труднее было обнаружить подделку, а жуткий гробовой голос вырабатывался тренировками, которые могли длиться несколько недель. Великолепный спектакль! Главному герою – после представления – тут же отрубали голову, чтобы потом показать её народу. Люди для Хасана всегда были расходным материалом, ступеньками, по которым он шёл к вершинам власти. Но отчего-то именно цинизм, расчётливость, жестокость и двуличие Хасана ибн Саббаха притягивали к нему, точно пламя – мотыльков. Многие мечтали быть слугами, проповедниками, агентами Хасана из Аламута; его глазами, его ушами, его руками вблизи и за сотни миль от горного замка. Отовсюду – через бродяг, путешественников, проповедников – стекались к нему различные сведения...

Отнюдь не только мистификациями и обманами занимался этот гениальный злодей. По всему исламскому миру скупали для Хасана редкие книги и манускрипты, содержавшие различные знания. Он приглашал, подкупал или похищал лучших строителей, математиков, медиков, мистиков. Маги и учёные-алхимики упражнялись в кабинетах аламутского замка подавлять чужую волю, распознавать сущности скрытого, передавать мысли на большие расстояния. Инженеры создавали оборонительные сооружения, вокруг крепостей прокладывали систему подземных каналов, орошавших прилегающие поля и снабжающие гарнизоны водой, чтобы в случае необходимости выстоять многолетнюю осаду. Но всё же краеугольным камнем, на котором должно подняться государство исмаилитов, были люди. Хасану ибн Саббаху требовались вовсе не подданные, а фанатично преданная ему людская масса, и чтобы заполучить сердца и души людей, этот жестокий хитрец не гнушался ничем.

Хасан внушал: любой может попасть в райские сады, минуя чистилище, если примет смерть по его приказу, и повторял повсюду: «Рай покоится в тени сабель». Те, кого одурманили его речи, не боялись смерти, но – страстно желали её. Они верили: их вождь является глашатаем священной воли Аллаха на земле, каждое слово его также свято, как слова Пророка. Магомет обещал тем, кто повинуется Аллаху и его законам, радости рая и чувственные удовольствия в обществе очаровательных гурий. Хасан внушил своим последователям: у него есть власть впускать верных в земли рая еще при жизни, и он – ровня Магомету. Воля властителя Аламута принималась преданными людьми, за проявление Божественного разума, они называли его не иначе как Саййидна, что значит «наш Господин». В 1094 году Хасан стал верховным имамом исмаилитов Персии. Этот человек был непонятен для властей. Его предшественники-смутьяны скрытно передвигались и тайно проповедовали, он же открыто бросал вызов, укрывшись в горной крепости. То, что пугало одних, у других вызывало неподдельное восхищение!

Исмаилиты Аламута не были одиноки в борьбе с тюрками-суннитами. Против власти тюрок выступали и низариты (9). В 1095 году принца Низара заточили в тюрьму и убили. В Аламуте приняли сына убитого и всех его последователей. Так две секты слились в одну: исмаилитов-низаритов. Хасан ибн Саббах стал их вождём. Аламутская община быстро впитала в себя новых членов, многое переняла от них, быстро превратившись в полувоенную, закрытую организацию. Эта нежданная помощь помогла руководителям аламутских исмаилитов определиться с военно-политическим устройством и методами достижения своих целей...

Низариты в силу своей немногочисленности не могли оказать серьезного военного сопротивления властям, которые объявили их еретиками и поставили вне закона. Они умело маскировались, скрывая веру перед лицом опасности. С суннитом они были сунниты, с шиитом – шииты, с христианином – христиানে, с евреем – евреи и узнавали друг друга по тайным знакам. Именно секретность, закрытость помогла им выжить в борьбе с государственной машиной халифата. Низариты помимо восстаний избрали способом борьбы – террор против государственных и военных чиновников. Каждая община низаритов готовила убийц-фидаев (10). После первых же убийств все поняли: такая тактика весьма эффективна.

Хасан ибн Саббах был полностью с этим согласен. Он помнил, как вздрогнул халифат после убийства Низама аль-Мулька и после загадочной смерти султана. Мало того, он знал теперь, что это может приносить доход: в смутное время, наступившее после смерти Мелих-шаха, его сын Беркьярук обратился к Хасану за помощью, подкрепив просьбы золотом – разумеется, через тайные каналы – и в результате несколько врагов Беркьярука погибли. Убийцы не скрывали, что они из Аламута... Так хитрый Хасан повсюду “мутит воду”, плодил ужасные слухи и создавал кривотолки. Цель была одна: создать обстановку хаоса, страха при одном упоминании об убийцах Аламута, а страх, как известно, рождает чудищ.

Но аламутские убийцы были дилетанты, всего лишь религиозные фанатики, которые спешили отдать свои жизни взамен за обещанный им Рай. Хасану требовались не горы трупов его последователей, жаждущих беззаботной вечной жизни и ласк обольстительниц-гурий, но – прежде всего – выполненные ими задачи. До сих пор ему сопутствовала удача, но удача не может длиться бесконечно. Стража высокопоставленных лиц, подлежащих устранению, была набрана не из новичков! Остро встал вопрос о тщательной подготовке профессиональных убийц. Нужна была, как это ни зловеще звучит, школа – особая школа, где готовились бы отчаянные, готовые на смерть и мучения головорезы, лишённые всяческих моральных принципов.

Весьма кстати пришлось тут низариты с их фидаями. Хасан ибн Саббах пришёл к выводу: школы убийц должны действовать в каждой области, захваченной исмаилитами, в каждом замке... Низаритских фидаев собрали в Аламуте, они прошли дополнительную подготовку, затем часть из них распределили по крепостям в качестве инструкторов, остальных Хасан мог использовать при необходимости. Для обучения отбирали сильных, выносливых мальчиков. Подготовка продолжалась несколько лет. Фидаи росли и тренировались в закрытой обстановке, которую можно сравнить с обстановкой монастыря, только цели преследовались совершенно иные. Режим был очень жёсткий. За правилами следили неукоснительно. Методики подготовки постоянно совершенствовались. Учёные, собранные в Аламуте, способствовали процессу, иногда даже не подозревая об этом. Тайная армия Хасана ибн Саббаха готовилась в строжайшей секретности. Перед фидаем ставили одну задачу: приблизиться к жертве и нанести смертельный удар. Пользовались убийцы, в

основном, кинжалом, но и не гнушались никаким иным подручным средством.

По слухам, фидаи исмаилитов виртуозно владели любым видом оружия и успешно маскировались, но копьём, стрелой, саблей не достанешь окружённого охраной вельможу, а вот тщательная маскировка – совершенно необходима. Убийцы могли принимать облик разносчиков воды, уличных музыкантов, бродячих актёров и нищих дервишей, могли принимать иную веру, месяцами выжидать удобного момента, чтобы нанести смертельный удар. Некоторые авторы утверждали, что обучали фидаев даже наречию тех областей и земель, где надлежало им выполнить волю Хасана. Это кажется чересчур сложным. Не проще ли набрать добровольцев из тех земель? Ведь желающих отдать убогую земную жизнь взамен райскому блаженству хватало повсюду!

Каждое покушение тщательно продумывалось и готовилось. Из вида не упускали никаких мелочей. Только никто не думал о сохранении жизни убийцы. Да и сам он не стремился выжить и часто после успешно выполненного задания кончал с собой тут же, рядом с жертвой, выкрикивая перед смертью имена Аллаха и Хасана, торопясь попасть в райские кущи вечной жизни, где ему было обещано желанное место.

Доподлинно известно, от рук фидаев пали: три халифа, шесть визирей, десятки правителей областей и городов, духовные лица, даже несколько европейских правителей. По приказу властителя Аламута умертвили известного учёного Абд уль-Махасина, который достаточно резко высказывался в адрес Хасана и его приспешников. Всего семьдесят три человека погибли за полтора столетия существования государства исмаилитов-низаритов. Кажется, число не велико, но не в количестве убитых было дело. Хасан ибн Саббах совершал нечто злое: он сокрушал устои государства...

Нравы были ужасные. Повелитель, его вельможи чаще отличались жестокостью и своеволием, чем мягкосердечием, но так, среди жестоких нравов, они защищали закон, стабильность в стране и хрупкий мир. Хасан создавал опасную ситуацию. Его убийцы не просто отвергали закон и принятые большинством порядки, они обрушивали стабильность, ввергая области, целые государства в хаос междуусобных войн. Убийства вызывали ужас у населения. Именно в этом заключался просчёт Хасана ибн Саббаха. Он думал, что нашёл простой и эффективный способ создания своего государства: разрушение всего

вокруг. Но тот, кто привык разрушать, откуда возьмёт привычку строить? Змеи убивают всех, но кто их любит? Государство исмаилитов-низаритов, достигнув могущества за очень короткое время, тут же стало клониться к своему закату.

Чтобы эффективно защищаться и тщательно планировать очередные убийства, Хасану ибн Саббаху нужна была достоверная, обширная информация, и он смог справиться с этой задачей. Множество агентов снабжали его сведениями из Шираза, Бухары, Исфахана, Каира, Самарканда... Его людям удавалось склонять на свою сторону, используя подкуп и устрашение, даже самых близких к вершинам власти.

С начала нового столетия террористическая деятельность саббахитов (11) возросла, потому как были подготовлены солдаты-убийцы. Теперь «люди горных крепостей» (12) действовали далеко за пределами Персии. Хасан ибн Саббах объявил тайную войну всем. Его люди сумели проникнуть даже в армию султана Беркйарука (которому Хасан помогал прежде), обратив часть солдат в свою веру. Офицеров, которые попытались навести порядок, быстро поставили на место. Тогда Беркйарук объединился с братом и выдвинул войска против Хасана, но тот сумел откупиться от генералов и запугать Санджара – сводного брата Беркйарука. Тайный последователь Хасана ибн Саббаха воткнул – рядом с уснувшим Санджаром – кинжал с письмом, в котором говорилось, что кинжал могли бы вонзить не в землю...

Затем наступило время расправы с руководителями других сект, осуждавших зловещую деятельность Хасана. Резали прямо в мечетях, во время молитвы... В результате такой «успешной» деятельности все были запуганы до такой степени, что никто не знал, кто будет следующей жертвой. Без доспехов под одеждой не выходили из дому, потому как сомневались даже в собственной охране. С Хасаном ибн Саббахом искали дружбы, ему платили за собственную безопасность.

Правда, официальные власти халифата не смирились с существованием злодеев-исмаилитов. Они выставляли Хасана пособником дьявола, закоренелым еретиком, который хочет разрушить ислам. Суннитские учителя не уставали твердить: разве может быть то, что от Аллаха сокрыто покровом тайны? Дела Всевышнего открыты, но во мраке таится зло. Разве благие дела замышляются в паучьих норах? Дьявол породил обман, ложь и тайну... Хасан отвечал новыми и новыми убий-

ствами. Простой люд в страхе безмолвствовал, но душегубы и убийцы никогда не вызывали сочувствия!

После смерти Беркйарука в 1105 году новый халиф тоже желал расправиться с ненавистными исмаилитами. Были взяты несколько крепостей. Побежденных карали очень сурово. Окрестности Аламутской долины в течение долгого времени подвергались набегам и разграблению. Войска несколько раз приступали к осаде крепости. В 1118 году истощённый осадой замок спасла от капитуляции только смерть халифа. Войска вновь ушли. Казалось, везению Хасана ибн Саббаха не было границ и Аллах хранит его.

Однако, если взглянуть под другим углом, открывалась не менее любопытная картина: с появлением в союзниках Хасана низаритов, убедивших его в целесообразности создания террористического государства, усилия аламутского злодея явно шли вразрез с его целями. Зловещая возня с запугиванием всех в округе, извлечение доходов не от торговли, а из страха убийства, провозглашение войны и террора основой политики исмаилитов-низаритов – не могли создать великое государство! На это не оставалось времени. Если рассматривать деятельность Хасана и его тайной организации подобным образом, несомненно, Аллах насмеялся над их потугами: всё сводилось к банальной резне за жизненные блага. То есть, даже до роли пособника дьявола не дотягивал Хасан ибн Саббах, опустившись в конце концов до уровня душегуба и негодяя, торговавшего не мирными товарами, а смертями и страхом. Гора родила даже не мышь, а ядовитую змею. Поэтому простой люд Персии, Кухистана и Сирии не поддержал аламутского злодея. Хасан не мог дать людям ни мира, ни покоя, а без простого люда не выстроишь и худой державы!

Низариты помогли Хасану стать знаменитой, ужасной фигурой, но они погубили весь его потенциал. Основой государства не может стать тайная организация, пускай и очень могущественная. Ни к чему хорошему это не приведёт.

Господин Аламута старел. Почти тридцать лет он руководил действиями таинственного ордена убийц, а ведь ничего не изменилось: турки по-прежнему сильны, господство суннитов не пошатнулось, исмаилиты Хасана даже умудрились стать врагами исмаилитов Каира. Нечестивцам Аллах посылает и раздоры, и смуты!

Планы Хасана рушились. Нет, не злодейские – там ему сопутствовала удача, но государства он создать не смог. Вместо

величественной державы получилась злодейская община, в которую постороннему попасть было не просто. Возможно, Всевышний таким образом потешался над закоренелым беззаконником и еретиком. За видимыми успехами следовали незримые, но куда более значимые неудачи. В 1121 году убийцам Хасана удалось покушение на визиря аль-Афзала – виновника бед и смерти принца Низара, чье имя приняли низариты. Халиф не гневался – могущественный и властный визирь надоел ему. По приказу правителя в горную крепость Аламут отправили письмо, где государь призывал Хасана и его верных последователей отречься от заблуждений и соединиться с прежними единомышленниками. Постаревший и уставший от противостояния всему исламскому миру Хасан готов был покаяться, но этого не желали в окружении халифа. Новый визирь, оказавшийся суннитом, вдруг обнаружил заговор. В ходе следствия определили цель заговора – убийство халифа. Разумеется, все нити вели в замок Хасана ибн Саббаха. Зачем ему это оказалось нужно – не совсем понятно, но репутация «главаря аламутских разбойников» была такова, что халиф не думал сомневаться. Арестовали и казнили множество «агентов Хасана» – кажется, новый визирь разом покончил со всеми своими недругами.

В мае 1124 года, двадцать третьего дня, в пятницу, Хасан ибн Саббах умер в своем замке. «... и поспешил он в пламя Ада», – написал летописец, не испытывавший к Хасану никакой благожелательности.

Превзойти гениального злодея не удалось никому из его преемников. У них хватило ума не состязаться с умершим Хасаном в чудесах, не посягать на его богоизбранность. Правда, кто теперь переводил бы «жертвующих жизнью» в райские кущи? Это мало кого интересовало – вбитая тщательной подготовкой ежеминутная готовность к смерти по приказу, пришла на смену фанатичного желания умереть за Хасана. Раздор среди последователей после его смерти не произошло. Из-за того, что попасть в общину исмаилитов-низаритов человеку постороннему было практически невозможно, единство они сохранили, но было это внешним единством. Изнутри аламутская община напоминала закрытый военный орден, с несколькими «ступенями посвящения». Представители высших ступеней иерархии государства убийц не связывали себя соблюдением догм ислама. Для них не существовало запретов: «священной целью» становилась для них защита собственных интересов, «священ-

ной войной» они обогащались либо приобретали влияние, которое в конце концов употреблялось для обогащения. Религия использовалась для заработка. Их услугами пользовались все в исламском и даже в христианском мире. Государство убийц стало коммерчески выгодным проектом. Но можно ли назвать государством территорию, у которой нет армии, нет собственных денег, нет развитой торговли, и где вместо законов выступает необходимость? «Люди горных крепостей» были враги всем: и христианам, и мусульманам, а те, кто оплачивал услуги убийц, скоро и сами становились их мишенью.

Исмаилитов Аламута начали раздирать внутренние кризисы: коммуна времён Хасана ибн Саббаха приобрела черты монархии с наследственной передачей власти. Выделилась знать, предпочитавшая аскетизму шиитов суннитские вольности и роскошь. Богатство и алчность мира победили суровую волю отшельников. Простолюдины не одобряли подобных излишеств и сокрушались, что со смертью Хасана стало некому покарать отступников и предателей. По этой причине желающих жертвовать собой находилось всё меньше.

В 1250 году войска Хулагу, внука Чингисхана, вторглись в Персию. Монголы знали о «подвигах» и репутации исмаилитов. Непрístupные горные крепости в западной Персии одна за другой пали. Исмаилитов там убивали, не щадя ни женщин, ни детей... Но не горстка мусульманских еретиков-убийц и горные их цитадели привлекали огромную монгольскую армию. Удар был направлен на Багдад, против халифа и его войска. После падения Багдада и смерти халифа монголы повернули на север.

19 ноября 1256 последний правитель Аламута Рук ад-Дин Хуршах счёл бесполезным сопротивляться и сдался вместе с семьёй и сокровищами. Монголы сожгли и уничтожили Аламут, ни один житель и защитник его не уцелел. Последнего правителя исмаилитов использовали, чтобы склонять сопротивляющихся к добровольной сдаче крепостей, а затем отослали в Орду. Там Хуршаха удавили. В этом была известная ирония. Монголам нравились отважные, доблестные воины, но они терпеть не могли предателей и убийц. Привычка к злодеяниям не может воспитать доблесть, справедливо считали они.

В 1273 году египетский султан Бейбарс уничтожил последнее убежище исмаилитов-низаритов в горных районах Сирии. Последователи ужасного Хасана ибн Саббаха рассеялись по всему востоку и даже до Индии. Больше они никогда не вос-

становили былого могущества, ибо чаша терпения Всевышнего была переполнена их злодеяниями.

В 1825 году английский путешественник Дж. Б. Фрейзер писал: «исмаилиты больше не одержимы идеей убийства, но они, всё так же фанатично преданы своему лидеру». Фрейзер упоминал об исмаилитах Индии...

Капитан Уильям Слимен, борющийся в Индии с сектой душителей, озадачился вопросом: почему среди фансигаров, поклонявшихся индусской богине Кали, было немало мусульман? Один из пленных фансигаров-мусульман объяснил: Кали так похожа на Фатиму, дочь пророка Магомета...

В 1850 году секта исмаилитов под названием Хояс разрешила религиозный спор старыми методами, убив четырёх инакомыслящих. Убийц повесили. Поводом для расправы послужил вопрос: преданы ли Хоясы провинции Бомбей Персидскому Иمامу?

Имамом был исмаилит-низарит Ага Хан.

г. Ялта

1 – в 632 году от Р.Х.

2 – был седьмым имамом, поэтому исмаилитов ещё называли седмичниками.

3 – в исламе шиитского толка – посредник между Аллахом и человеком.

4 – Марко Поло. Книга о разнообразии мира. Книга Первая.

5 – духовное учебное заведение.

6 – живое доказательство существования Аллаха.

7 – «Порядок Царства».

8 – последователь мистического направления в исламе, ведущий нищенский образ жизни.

9 – секта шиитов. Считали имамом старшего сына халифа аль-Мустансира, Абу Мансура Низара. Правоверные мусульмане-сунниты считали их еретиками.

10 – (перс.) жертвующий жизнью.

11 – последователи Хасан ибн Саббаха.

12 – прозвище исмаилитов-низаритов.